

После того как официальная часть вечера началась, всё шло по намеченному плану. В девять часов поблагодарили прессу, сделали совместное фото на память, и приём завершился. Цэнь Лубай, которой ещё предстояли деловые встречи, велела водителю сначала отвезти Цзян Чжаосюэ домой.

Цзян Чжаосюэ, безупречно играя свою роль на публике, с заботой наставляла:

— Пей поменьше.

Цэнь Лубай, в свою очередь, оказала ей должное уважение и с любезной улыбкой согласилась.

В половине десятого Цзян Чжаосюэ была дома. Приняв душ и высушив волосы, она, как обычно, прошла в кабинет и продолжила систематизировать исторические материалы, необходимые для диссертации.

В настоящее время она училась в Бэйчэнском университете на программе прямой аспирантуры по истории. Ещё на бакалавриате она опубликовала статью в журнале категории С, а во время магистратуры и аспирантуры выпустила несколько работ в ведущих изданиях, так что на кафедре её единогласно признавали гением. Все были уверены, что после выпуска она останется преподавать в Бэйчэнском университете, продолжит дело своего наставника, и шутили, что ей больше незачем так «вкалывать». Однако Цзян Чжаосюэ ни на миг не ослабляла усилий. Для неё изучение истории было не ради выгоды, а делом всей жизни и страстью.

Она полностью погрузилась в работу, забыв о времени. Неизвестно, сколько прошло, прежде чем из гостиной донёсся звук открывающегося электронного замка. Цзян Чжаосюэ предположила, что вернулась Цэнь Лубай, и встала взглянуть.

В дверях и правда стояла Цэнь Лубай.

Распустив высокую причёску, собранную на вечере до пояса, поверх холодного вечернего платья она накинула белый пиджак. Одной рукой опираясь на дверь, она всё ещё держалась прямо и грациозно, но лицо её было бледным с болезненным румянцем.

Рядом с ней, переминаясь с ноги на ногу, стояла помощница, которая, казалось, хотела поддержать её, но ей не позволяли.

— Ещё не спишь? — Увидев Цзян Чжаосюэ, Цэнь Лубай улыбнулась уголками усталых глаз, голос её слегка охрип.

Цзян Чжаосюэ кивнула, подошла поближе и остановила взгляд на помощнице.

Та поняла намёк и пояснила:

— Госпожа Цэнь сегодня пила за всех, выпила многовато.

Цзян Чжаосюэ и сама догадалась. Она протянула руку, чтобы поддержать Цэнь Лубай, и та не отказалась.

Словно обычная хозяйка дома, она поблагодарила помощницу:

— Хорошо, я поняла. Спасибо за труды, на обратном пути будьте осторожны.

Помощница с облегчением ушла.

В огромной гостиной остались только они двое — одна чуть выше, другая чуть ниже, стоящие плечом к плечу.

Цзян Чжаосюэ с беспокойством спросила:

— Ты как? За всё время совместной жизни она впервые видела, чтобы Цэнь Лубай так много выпила и так плохо выглядела.

Цэнь Лубай тихо ответила:

— Нормально.

Но слабый, прерывистый голос выдавал её недомогание.

Цзян Чжаосюэ прониклась сочувствием:

— Давай я помогу тебе присесть на диван?

Цэнь Лубай покорно согласилась:

— Хорошо.

Цзян Чжаосюэ повела её к дивану и только тогда заметила, что та настолько пьяна, что не может идти прямо, а руки у неё пылают жаром. За какие-то несколько десятков шагов она сама покрылась лёгкой испариной.

Цзян Чжаосюэ забеспокоилась ещё сильнее:

— Где болит? Голова сильно кружится?

Но Цэнь Лубай не ответила. Позволив Цзян Чжаосюэ уложить себя, она полулегла на диван и уставилась на неё. Взгляд её был спокоен, словно хмель окончательно вскружил ей голову. Обычно глубокие и ясные тёмные глаза заволкло туманной дымкой, в которой мерцали блики, словно водная гладь в тумане.

Цзян Чжаосюэ не могла разобрать этого взгляда.

Под пристальным вниманием она заколебалась.

Она никогда раньше не ухаживала за пьяными и уж тем более не сталкивалась с такой Цэнь Лубай. В её ограниченном представлении Цэнь Лубай всегда была сдержанна, рассудительна и уравновешенна.

Не зная, что делать, она предложила:

— Может, заварить чай, чтобы протрезветь?

Цэнь Лубай по-прежнему молчала.

Цзян Чжаосюэ выпрямилась, собираясь уйти, но неожиданно Цэнь Лубай обхватила её за талию и потянула вниз, заставив упасть на себя.

В нос ударил холодный аромат, горячее дыхание коснулось щеки и остановилось у чувствительного уха Цзян Чжаосюэ.

— Ты ведь ещё не поздравила меня с днём рождения.

Сквозь бешено колотящееся сердце Цзян Чжаосюэ услышала очень тихий вздох Цэнь Лубай.

В тишине ночи тусклый свет бра разливался вокруг. Опустив голову на плечо Цэнь Лубай, Цзян Чжаосюэ на пару секунд потеряла способность соображать.

Что она сказала? И что делает?

Не успев как следует обдумать, она инстинктивно вытянула руки, чтобы приподняться, и высвободилась из не слишком крепких объятий, избавившись от двусмысленной позы.

Она нависла над Цэнь Лубай, глядя на неё сверху вниз, тонкие брови чуть нахмурены, на лице читалось недовольство.

Цэнь Лубай тоже смотрела на неё. Кожа белая, словно снег и нефрит, лебединая шея бела, точно фарфор, а в тёмных, как омут, глазах, в свете лампы мерцали крошечные звёздочки. Взгляд её по-прежнему был открыт и невозмутим.

Под этим взглядом Цзян Чжаосюэ даже почудилось, что всё произошедшее только что было галлюцинацией.

Но жар у уха всё ещё казался осязаемым.

Цзян Чжаосюэ прикусила губу, собираясь что-то сказать, но Цэнь Лубай, словно смертельно устав, закрыла глаза, и дыхание её стало поверхностным.

Цзян Чжаосюэ:

— ...

Ладно. Цзян Чжаосюэ невесело усмехнулась. Стоит ли связываться с пьяной?

К тому же она и правда не поздравила Цэнь Лубай с днём рождения.

Никто не говорил ей, что третье декабря — день рождения Цэнь Лубай, но у неё была хорошая память, и она заметила это ещё в том году, когда подписывала контракт. Только вот поженились они в марте, а день рождения Цэнь Лубай в декабре, так что за девять месяцев они в общей сложности виделись не так уж часто. Поэтому к первому дню рождения Цэнь Лубай после свадьбы Цзян Чжаосюэ постеснялась и решила, что Цэнь Лубай вряд ли нуждается в столь фамильярных поздравлениях. Спустя почти год после свадьбы, когда они немного привыкли друг к другу, у самой Цзян Чжаосюэ был день рождения. Цэнь Лубай тогда была в командировке, и её младшая сестра, Цэнь Яо, случайно узнав об этом, прислала целых два подарка, а от самой Цэнь Лубай не пришло даже сообщения. Тогда Цзян Чжаосюэ решила, что Цэнь Лубай действительно не нуждается в подобных выходящих за рамки контракта проявлениях внимания.

Она не хотела давать ни малейшего повода для недопонимания, поэтому, когда в тот день Цэнь Лубай прислала ей сообщение с поздравлением с Рождеством, она поколебалась, стоит ли заодно поздравить её и с днём рождения, но в итоге, помедлив мгновение, отправила лишь четыре коротких слова: «Счастливого Рождества».

Неужели Цэнь Лубай действительно этого хотела?

Взгляд Цзян Чжаосюэ смягчился. Внезапно ей показалось, что их отношения вовсе не такие чёткие и непреодолимые, как она думала, что они не настолько близки, но и не настолько далеки, как ей казалось.

Она наклонилась и легонько потрясла Цэнь Лубай за плечо:

— Госпожа Цэнь, идите спать в спальню, здесь неудобно.

Цэнь Лубай лишь приоткрыла глаза, на пару секунд всмотрелась, словно пытаясь узнать, а потом очень тихо ответила:

— Всё в порядке.

И снова закрыла глаза, нахмурившись ещё сильнее, будто ей стало хуже.

Цзян Чжаосюэ не решилась снова её тревожить и предложила компромисс:

— Тогда давай я помогу тебе лечь, так будет удобнее.

Цэнь Лубай не ответила, и Цзян Чжаосюэ сочла это за согласие.

Она опустилась на одно колено на диван, наклонилась и, стараясь не причинить боли, осторожно сняла с ушей Цэнь Лубай длинные висячие серёжки, которые касались плеч. Чтобы не сделать больно, она подобралась совсем близко и действовала очень бережно.

Кончики волос скользнули по ключице, дыхание смешалось. На мгновение пальцы Цэнь Лубай, неподвижно лежавшие на диване, дрогнули, но тут же сдержанно замерли, словно ничего не произошло.

Цзян Чжаосюэ ничего не заметила и благополучно сняла украшения с обеих ушей.

Зайти без разрешения в спальню Цэнь Лубай она не решилась, поэтому принесла из гостевой, где сама не спала, подушку и тонкое одеяло. В доме было постоянное отопление, так что Цэнь Лубай не замёрзнет, а гостиную регулярно убирали, подушка и одеяло были чистыми.

Она помогла Цэнь Лубай лечь, укрыла её, а потом сходила в ванную за мицеллярной водой, ватными дисками и полотенцем для лица, чтобы снять с Цэнь Лубай макияж.

Цэнь Лубай, казалось, уснула — тихая, послушная, даже беззащитная.

Цзян Чжаосюэ смотрела на её умиротворённое во сне лицо, и в какой-то миг ей снова почудилась та Цэнь Лубай, которую она увидела впервые.

Интересно, помнит ли Цэнь Лубай? Их первую встречу не в деловом центре в чужой стране, а у озера Циху в Бэйчэне.

Тогда ей было всего девятнадцать. В выходные она ходила в Национальную библиотеку за материалами, которых не было в университетской. А после, когда погода внезапно испортилась и вот-вот должен был хлынуть дождь, она решила срезать путь до университета мимо озера Циху. Взгляд её случайно упал на женщину, сидящую на низкой дамбе у почти безлюдного Циху.

Та была в элегантном длинном платье, с кожей белой как снег и чёрными волосами, струящимися водопадом. Ветер развеивал пряди у её уха, открывая изящную линию челюсти.

Цзян Чжаосюэ сразу поняла: перед ней очень молодая, очень красивая женщина. Сказать «сидящая» было не совсем точно. Если точнее — она сидела в инвалидном кресле.

Небо было серым, ливень вот-вот должен был разразиться, ветви и листья колыхались на ветру, а её фигура на ветру казалась ирреальной, словно у бессмертной, парящей в небесах.

Цзян Чжаосюэ замерла на месте.

Женщина неподвижно смотрела на озеро, и всё это время Цзян Чжаосюэ так же неподвижно смотрела на неё.

Та выглядела хрупкой и расстроенной, и Цзян Чжаосюэ боялась, как бы она не наделала глупостей.

К счастью, женщина этого не сделала.

Когда внезапно хлынул ливень, она повернула коляску, съехала с каменной дорожки и покинула озеро Циху.

Сам не зная зачем, Цзян Чжаосюэ побежал по параллельной бетонной дорожке, обогнал её и добежал до ларька у дороги возле Циху.

Она купила зонт и в первый же миг, когда хлынул ливень, поспешила обратно и укрыла им женщину, которая оказалась заблокирована у входа в выставочный зал.

Дождь хлестал, женщина подняла голову, и их взгляды встретились.

Это была их первая встреча.

Четыре года спустя Цзян Чжаосюэ по программе совместного обучения уехала в страну А учиться в магистратуре и подрабатывала, чтобы покрыть расходы. Цэнь Лубай приехала в страну А по делам, и ей срочно понадобился переводчик с японского на один день. Поскольку для специальности Цзян Чжаосюэ требовался японский, она ещё до окончания бакалавриата

сдала N1. Так, по воле случая, они встретились снова.

Только тогда Цэнь Лубай уже была не той нежной и слабой женщиной из её воспоминаний.

Она больше не была прикована к инвалидному креслу. В синем деловом костюме, стоя у стола для переговоров, она была стройна и статна, склонив голову над документами, с изысканным макияжем, деловой аурой, элегантной и благородной.

Повернувшись и увидев приведённую к ней Цзян Чжаосюэ, она невозмутимо кивнула ей и протянула руку для рукопожатия.

Тогда Цзян Чжаосюэ заметила, что Цэнь Лубай всё-таки выше неё.

— Здравствуйте, я Цэнь Лубай. — Вежливо и официально представившись, она ни словом не обмолвилась об их встрече много лет назад.

Цзян Чжаосюэ тоже не стала выдавать радости от встречи со знакомым и вела себя так, словно они действительно видят друг друга впервые, полностью сосредоточившись на деле. Она решила, что Цэнь Лубай, вероятно, действительно ничего не помнит, ведь кроме того единственного полудня вместе они больше никогда не виделись. А может, Цэнь Лубай просто не хотела вспоминать.

В конце концов, воспоминания о тех жалких моментах действительно лучше было забыть.

Интересно, вспомнит ли завтра, протрезвев, Цэнь Лубай о своей сегодняшней несдержанности. Цзян Чжаосюэ, ласково и осторожно, помогла ей нанести ночной крем и поправила уголок одеяла.

— Спокойной ночи. — Она слегка улыбнулась и тихо добавила: — И ещё, хоть и с опозданием, но с днём рождения.

<http://bllate.org/book/18697/1807078>